

монецкой материалы отчетов Д. Д. Травина, а также и некоторые сведения, известные из местной периодики 20—30-х годов XX в. дают возможность оценить деятельность собирателя и получить данные о времени, способах бытования тех или иных вещей, их терминологии.

В статьях И. В. Жуковской «Одежда из коллекции С. М. Дудина по южным украинцам» и Л. М. Сабуровой «Польские коллекции МАЭ» даны подробные попредметные описания ценных этнографических памятников, объединенных в тематические группы. В статьях приводятся местная терминология, рисунки и фотографии предметов. Своего рода прологом к сборнику является статья Т. В. Станюкович «Памятники материальной культуры народов европейской части СССР и зарубежной Европы», в которой автор на основании архивного материала восстанавливает и анализирует основные этапы формирования фонда этнографических коллекций в европейском отделе музея с XVIII в. по настоящее время. История складывания фондов старейшего музея страны, как считает автор, отражает историю отечественной этнографии, в которой на протяжении всего дореволюционного периода основным объектом научного изучения оставались «экзотические» народы мира, в то время как систематический сбор полевых и коллекционных материалов по культуре народов Восточной и Западной Европы долгое время недооценивался. Лишь к концу XIX в. европейский отдел МАЭ начинает интенсивно пополняться благодаря организационной и полевой работе крупнейших этнографов и собирателей, таких как В. В. Радлов, Д. А. Клеменц, Н. Н. Могиланский, А. В. Журавский, Т. Швиндт, Д. Д. Травин, С. М. Дудкин, М. К. Каблукова-Горбунова, М. В. Михайловская.

В статье содержится оценка деятельности МАЭ в последние десятилетия, когда фонды отдела Европы неоднократно использовались в качестве серьезного и значительного источника при создании историко-этнографического атласа «Русские», при разработке понятия «этнические границы» и пр.

На сегодняшний день в фондах отдела Европы насчитывается 12 775 предметов. Самые многочисленные коллекции по этнографии русских (5359 предметов), украинцев (718), карел (929), поляков (2094), австрийцев (500), итальянцев (497), финнов (494 предметов).

Наряду с научно-исследовательскими статьями в сборнике впервые публикуется научно-справочный каталог памятников культуры, хранящихся в фонде отдела Европы МАЭ. В связи с актуальностью вопросов каталогизации этнографических фондов музеев страны, анализу справочных изданий разного характера, изданных в последнее время, посвящен специальный обзор в этом номере ⁴.

Е. Е. Васильева, О. М. Фишман

⁴ Фишман О. М. Каталоги этнографических музеев (опыт и проблемы). — Сов. этнография, 1984, № 1.

НАРОДЫ СССР

В. П. Кобычев. Поселения и жилище народов Северного Кавказа в XIX—XX вв. М.: Наука, 1982. 196 с., илл., картосхемы.

В книге В. П. Кобычева обобщены обширные данные по типам поселений, жилищ и их отдельным конструктивным элементам. Эти данные автор собирал почти два десятилетия (1960—1978 гг.) по всей территории Северного Кавказа (кроме Дагестана). Работа является одним из подготовительных этапов создания Историко-этнографического атласа Кавказа. Поэтому материалы по каждому из объектов исследования сведены в этнографических картах по трем временным срезам — середина XIX в., рубеж XIX—XX в. и современность, т. е. время проведения исследования. Благодаря этому книга в предельно сжатой форме вобрала в себя огромный объем информации. Серии карт и тесно связанный с ними аналитический текст охватывают следующие аспекты изучаемой темы: поселения, их типы, форма и планировка, формы усадьбы и двора, оград и ворот, типы жилища, виды фундаментов, стен, крыши, пола, потолка, планировка жилища, отопление, интерьер и обстановка, пристройки, украшения, хозяйственные постройки и другие нежилые элементы поселений (укрепления, святилища, погребальные сооружения). Помимо карт книга содержит большое количество фотографий, рисунков и схем, мастерски выполненных как самим автором, так и художником Г. Д. Коняхиной и фотографиями Г. А. Аргиропуло и С. Н. Ивановым. Макет книги был подготовлен В. И. Филипповым. В конце дан словарь 40 основных терминов поселений и жилища у следующих северокавказских народов: адыгейцев, кабардинцев, черкесов, чеченцев, ингушей, балкарцев, карачаевцев, осетин и ногайцев. Все это делает книгу уникальным источником сведений по поселениям и жилищам Северного Кавказа.

В разделе о поселениях автор рассматривает, какие соотношения складывались на Кавказе в разные исторические эпохи между моногенными и полигенными, мелкими и крупными, стабильными и легко перемещавшимися поселениями. Он показывает,

что ни одну из этих форм нельзя считать исходной или основной, и что преобладание тех или других зависело от исторических обстоятельств: степени развитости феодальных отношений, внешней безопасности и некоторых других причин.

Основной объем книги отдан аналитическому рассмотрению отдельных конструктивных элементов жилища — фундамента, стен, пола и т. д. После детального разбора этих компонентов автор переходит к построению типологии северокавказского жилища.

Для характеристики типа жилища им «привлекается целый ряд признаков, как это издавна принято в этнографической литературе, в отличие от других смежных дисциплин, где классификация строится преимущественно на одном элементе» (с. 160). В данной работе В. П. Кобычев не счел нужным остановиться более подробно на проблеме критериев типологизации жилища. Читателей же книги, особенно специалистов по типологии жилища, этот вопрос интересует в первую очередь.

Обратившись к предшествующим публикациям автора, мы обнаруживаем его установку «принимать в качестве типологической основы совокупность целого ряда наиболее характерных признаков, различных в каждом конкретном случае»¹. Это положение, несомненно, правильное, хотя недостаточно раскрытое, — ведь еще не ясно, что следует считать «наиболее характерным признаком». В поисках такого признака попытаемся проследить разработку В. П. Кобычевым конкретной типологизации жилища в исследуемом им регионе. В работе «Типология кавказского народного жилища», о которой идет речь, В. П. Кобычев, «руководствуясь указанным методом», выделил для первой половины XIX в. на всем Кавказе следующие три типа жилища, распадающиеся на варианты: 1) каменный дом, иногда из сырцового кирпича, с плоской крышей; 2) деревянный или турлучный дом со скатной кровлей; 3) жилище со ступенчато-пирамидальным перекрытием². В другой работе, 1972 г., В. П. Кобычев констатировал, что жилище только Северо-Западного Кавказа середины XIX в. «довольно четко разделялось на три совершенно отличных один от другого типа»: 1) плетеное турлучное (иногда камышевое, глинобитное); 2) каменное; 3) срубное³. В рецензируемой книге типология народного жилища изменена в сторону еще большей дробности. Так, например, на северо-западе Кавказа вычленен карачаевский «крытый двор» (с. 161 и карта 27). Выражая общее согласие с таким направлением развития типологизации, мы считаем необходимым коснуться здесь теоретической основы исследования такого рода, в частности на примере традиционно-бытового жилища.

Типологизация — одна из основных целей, если не главная, в работах по составлению историко-этнографических атласов. Она имеет смысл, если соотносит выделяемые явления в историко-эволюционном развитии и находит их связь со средой бытования, указывает на причины возникновения данных объектов. При таком подходе к типологизации желательно в этнографически выделяемом типе рассматривать наряду с набором формально-морфологических признаков также признаки более высоких уровней — изофункциональную соотнесенность типов и вариативную направленность его проявлений. Но признаки этих двух уровней не проявляют себя без основных условий существования типа — его устойчивости и привязанности к определенной территории (ареальности)⁴. В этом смысле этнографически выделяемый тип жилища есть локальный комплекс устойчивых черт, подчиненных единой организационной функции и в силу этого обычно осознающийся носителями данного типа и их соседями, как принадлежность особого образа жизни (об отражении в сознании людей типов жилища как локальных комплексов красноречиво говорит выделение В. П. Кобычевым ряда типов с этническими, районными и зональными названиями, не обязательно этнически специфичных, но так осознаваемых).

Среди факторов, влияющих на развитие жилища, хозяйственный и семейный стоят в числе первых. Этому В. П. Кобычев уделяет достаточно внимания. Так он считает распространенное в науке мнение о строгости разделения жилища у народов Северного Кавказа на мужскую и женскую половины совершенно необоснованным (с. 103—104).

Этнографически выделяемый тип жилища, будучи локальной формой, не развивается тем не менее строго изолированно. Поэтому разные типы жилища имеют сходные черты, например строительные приемы. Этот важный вопрос в книге В. П. Кобычева проходит по существу через все разделы, посвященные отдельным конструктивным элементам жилища (фундамент, материал стен и строительная техника, форма крыши и материал покрытия, пол, потолок, межэтажные перекрытия и т. д.).

Данные по строительной технике у народов Северного Кавказа убеждают в том, что любой тип жилища есть результат истории развития разных строительных приемов и особого соотношения этих приемов в каждом случае. Поэтому интерес представляют взаимосвязи и взаимовлияния каменного и деревянного домостроительства на Кавказе. Создается впечатление, что в древности разделение этих двух традиций было более жестким. Но в поздние средневековые, судя по данным Г. Я. Мовчана⁵ и рецензируемой книге В. П. Кобычева (с. 20), в горных районах Северного Кавказа каменное зод-

¹ Кобычев В. П. Типология кавказского жилища. — Труды VII Международного Конгресса антропологических и этнографических наук. Т. X. М.: Наука, 1970, с. 209.

² Там же.

³ Кобычев В. П. Типы жилища у народов Северо-Западного Кавказа в середине XIX в. — Кавказский этнографический сборник. Т. V. М.: Наука, 1972, с. 167.

⁴ Подробнее см. Чеснов Я. В. О принципах типологии традиционно-бытовой культуры. — Проблемы типологии в этнографии. М.: Наука, 1979, с. 189—202.

⁵ Мовчан Г. Я. Камень и дерево в старинном жилище Аварии. — Сов. этнография, 1969, № 3.

чество сменяло деревянное, причем иногда появлялись смешанные (деревянно-каменные) строения, а в ряде мест каменные дома повторяли принципы деревянных конструкций. Иногда противопоставление двух техник исчезает, и один и тот же тип дома, как это показал Ю. Н. Асанов на материалах балкарского жилища, может бытовать в форме каменной или деревянной постройки⁶. Менялась и техника строительства.

Было бы интересно проанализировать влияние на строительную технику изменений в семейном быту. Так, у некоторых народов семейные турлучные жилища пришли на смену каменным постройкам более крупных родственных объединений; при этом плетение и обмазка стен находились в руках женщин, а мужчины делали каркас и крышу. Можно предположить, что и ухудшение качества каменной кладки на Северном Кавказе шло параллельно с разложением большесемейных коллективов. Это не исключает действия других причин — общей демократизации культуры, нарушения условий для проявления профессионализма, угасания традиции и т. п.

Важнейшим обстоятельством, решавшим судьбу прежде всего каменных жилищ-крепостей, было вхождение Северного Кавказа в состав России, в связи с чем отпала оборонительная функция жилища, а переселение части горцев на равнину привело к кардинальной перестройке и других форм жилища (с. 89, 90).

Важен раздел монографии В. П. Кобычева «Форма крыши и материал покрытия». Автор подчеркивает тесную связь крутой скатной крыши в западных районах Северного Кавказа с климатическими условиями, так как в западных районах осадков больше, чем в восточных. Он упоминает о близости скатной формы крыши Северо-Западного Кавказа с формой крыши построек в Юго-Восточной Европе, а плоской крыши в юго-восточных районах Кавказа с крышей построек Передней и Средней Азии (с. 112). Это справедливое замечание заставляет обратить внимание на историко-культурные и ареальные факторы, а не только на природно-климатические.

Крыша выполняет три основные функции: 1) стабилизирует постройку от механического воздействия, прежде всего давления ветра и перемещений грунта; 2) защищает внутреннее помещение от осадков; 3) сохраняет внутреннее тепло. Существует большое разнообразие конструктивных обеспечений этих функций. Поэтому нам представляется слишком категоричным мнение В. П. Кобычева о чрезвычайной зависимости формы и материала крыши от природно-климатических условий того или иного района (с. 112). В связи с этим стоит привести более осторожную и продуманную формулировку Б. А. Куфтина по поводу действия природного фактора в истории народного жилища. Он писал: «Зависимость от природы оказывается не столько в процессе непосредственных изменений, переживаемых жилищем в определенном природоустройстве, сколько в том, что та или иная деталь жилища, получающая пространство при сложившихся культурно-исторических отношениях может привиться только в том случае, если этому не противоречит природа»⁷.

Следует обратить особое внимание на развитие принципа стабилизации (обеспечение устойчивости здания) в постройках с плоской кровлей. Последняя состоит из мощных потолочных балок, опирающихся на столбы (эта опора бывает еще более усилена консольной балкой) и тяжелого земляного покрытия. Стены часто врыты в склон горы. Эта простая конструкция оказывается очень целесообразной, особенно в горной местности в сейсмоопасных районах. Недаром Б. А. Куфтин отметил, что ареал этого вида жилищ в Крыму отступает от приморской равнины и тяготеет к горным долинам⁸. Хорошая устойчивость⁹ такого рода постройки видна при сопоставлении ее с деревянными или турлучными жилищами Кавказа и Крыма. Так, жилище адыгов и абхазов обычно помимо каркаса, несущего стены и крышу, было снабжено снаружи еще рядом вкопанных по периметру стен столбов, функцией которых была именно стабилизация постройки¹⁰. Ту же функцию у абхазов несли две пары перекрещивающихся столбов с торцовых сторон дома, в верхней своей части поддерживающих коньковую балку¹¹. В крымском жилище, рубленном из плаха, сходную роль играли две толстые доски (пайванд), пришитые к торцовой стене деревянными шпильками¹².

Итак, в истории жилища можно проследить совершенно очевидные поиски принципа устойчивости. Рассмотрим теперь конструкции крыш наземных срубных и турлучных домов. Они оказываются разнообразными, что связано с поисками устойчивости всего строения. У адыгов встречаются торцовые стены, поднятые вроде самцов к самой коньковой балке¹³. У тех же народов, судя по публикации А. Миллера, бы-

⁶ Асанов Ю. Н. Поселения, жилища и хозяйственные постройки балкарцев. Нальчик: Эльбрус, 1976, с. 111.

⁷ Куфтин Б. А. Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова (материалы и вопросы). М., 1925, с. 6.

⁸ Куфтин Б. А. Указ. раб., с. 41.

⁹ О принципе стабилизации построек и различных способах его решения в народной архитектуре см.: Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии. М.: Наука, 1979.

¹⁰ Миллер А. Черкесские постройки. — Материалы по этнографии России, т. 2. СПб., 1914, с. 12; Аджинджал И. А. Из этнографии Абхазии: Материалы и исследования. Сухуми: Алашара, 1969, с. 53.

¹¹ Аджинджал И. А. Указ. раб., с. 53.

¹² Куфтин Б. А. Указ. раб., табл. VI.

¹³ Миллер А. Указ. раб., с. 12.

товала конструкция в виде стропильной с горизонтальной балкой, работающей на растяжение¹⁴. Очевидно, длительное бытование на Кавказе наземных круглых построек, в том числе и с центральным столбом, обязано сохранению однажды найденного принципа устойчивости. При всем том характерно, что к послевоенным годам двускатные крыши были вытеснены, судя по данным В. П. Кобычева, на всем Северном Кавказе четырехскатными. Первые остались только в Кабарде и Северной Осетии на хозяйственных постройках (с. 112). Действительно, четырехскатная стропильная крыша обладает наилучшим стабилизирующим действием при относительной легкости. Такая крыша лучше защищает от осадков, чем двускатная.

По-видимому, поиски средств устойчивости вызвали к жизни на Кавказе появление срубных конструкций. Интересно, что до сих пор здесь элементы срубной постройки применяются не только для несущих стен. Такой прием, например, мы находим в опорном столбе карачаевского дома, сделанного «поленницей»¹⁵.

Все сказанное позволяет нам перейти к очень интересному и часто дискутируемому вопросу, связанному с архитектурой северокавказских культовых сооружений. Вполне допустимо, что внутренняя стена в чечено-ингушских двухкамерных святилищах, а также внутренняя арка в осетинском святилище Соппой Сопба благодаря появлению четырех жестко связанных углов конструктивно обеспечивают устойчивость стен и всей постройки. Стабилизирующий эффект стены виден на Кавказе в порталных дольменах (портал в функции контрфорса). А. Ф. Гольдштейн предположил, что в облике ингушских и подобных им святилищ с двумя помещениями внутри и крутой двускатной крышей отразилось существование древнего ныне исчезнувшего на северо-востоке Кавказа жилища¹⁶. В. П. Кобычев эту гипотезу поддержал¹⁷.

Отметим, что в данном случае выражен принцип анфиладного расположения помещений, который совершенно не свойственен планировке, фиксируемой этнографами на Северном Кавказе. Но в древних и средневековых сооружениях анфиладная планировка (проходные комнаты) встречается. Представляется, что обращение к стадийному анализу планировки и к выявлению стабилизирующего воздействия внутренних стен подкрепляют правильность вывода А. Ф. Гольдштейна и В. П. Кобычева о сохранении древней формы жилища в культовых постройках.

Весь материал книги В. П. Кобычева, в том числе и сопоставление картосхем типов жилищ по трем историческим рубежам, убеждает в гибкости строительной техники, в том, что в определенный момент реализуются, казалось бы, скрытые возможности развития. Это хорошо видно при соотношении каменного и деревянного строительства. Поэтому преобладание определенного типа в данной местности — результат сознательного выбора, отвечающего хозяйственным, социальным, эстетическим и даже престижным соображениям.

Исследование В. П. Кобычева, в основе своей направленное на составление Кавказского историко-этнографического атласа, не ограничилось этой конкретной задачей; оно сконцентрировало многочисленные аспекты важнейших теоретических вопросов изучения материальной культуры. Эта глубокая, содержательная и прекрасно оформленная книга займет достойное место среди основных публикаций по истории и культуре жилища народов нашей страны.

Я. В. Чеснов

¹⁴ Там же.

¹⁵ Поляшова-Куранцева О. П. Архитектурные традиции карачаевцев. — Археология и этнография Карачаево-Черкессии. Черкесск, 1979, с. 126.

¹⁶ Гольдштейн А. Ф. Средневековое зодчество Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. М., 1977, с. 80, 82, 86.

¹⁷ Кобычев В. П. Старинные культовые сооружения Северного Кавказа как источник по истории жилища края. — Полевые исследования Ин-та этнографии АН СССР 1975 г. М.: Наука, 1977, а также с. 187 рецензируемой работы.

Календарно-обрядовая поэзия сибиряков. Сост. Ф. Ф. Болонев и М. Н. Мельников. Новосибирск: Наука, 1981. 351 с.

Рецензируемая книга — первое и пока самое полное систематизированное собрание календарных обрядовых песен восточнославянского населения Сибири. Обряды русских Сибири стали предметом серьезного изучения еще до революции, достаточно назвать труды А. А. Макаренко, П. А. Городцова, Г. С. Виноградова; а в наше время это книги М. М. Громыко, Ф. Ф. Болоневой и др. Но эти работы, за исключением исследования М. М. Громыко, касаются лишь отдельных регионов и обрядовый фольклор в них специально не рассматривается. В последнее время в Сибири развернулось широкое систематическое собрание фольклора, причем сделано и много записей обрядовых песен. Особенно ценные материалы дали экспедиции Новосибирского пединститута, руководимые М. Н. Мельниковым, и Омского пединститута под руководством Т. Г. Леоновой. Много нового материала по обрядам семейских собрал Ф. Ф. Болонев. Особо следует отметить, что эти экспедиции записали фольклор не только у русских,